

ТАЙНАЯ СИЛА

АМНУТИ

СОЕРИУС

**КОНСТАНТИН
ЧЕРЕМНЫХ**

КЛАНЫ АМЕРИКИ

**ОПЫТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОПЕРАТИВНОЙ
АНАЛИТИКИ**

Тайная сила

Константин Черемных
**Кланы Америки. Опыт
геополитической
оперативной аналитики**

«Алисторус»

2016

УДК 82-94
ББК 66.2

Черемных К. А.

Кланы Америки. Опыт геополитической оперативной аналитики /
К. А. Черемных — «Алисторус», 2016 — (Тайная сила)

ISBN 978-5-906880-34-5

Геополитическая оперативная аналитика Константина Черемных отличается документальной насыщенностью и глубиной. Ведущий аналитик известного в России «Изборского клуба» считает, что сейчас происходит самоликвидация мирового авторитета США в результате конфликта американских кланов – «групп по интересам», расползания «скреп» стратегического аппарата Америки, а также яростного сопротивления «цивилизаций-мишеней». Анализируя этот процесс, динамично разворачивающийся на пространстве от Гонконга до Украины, от Каспия до Карибского региона, автор выстраивает неутешительный прогноз: продолжая катиться по дороге, описывающей нисходящую спираль, мир, после изнурительных кампаний в Сирии, а затем в Ливии, скатится – если сильные мира сего не спохватятся – к третьей и последней мировой войне, для которой в сердце Центральной Азии – Афганистане – готовится поле боя.

УДК 82-94
ББК 66.2

ISBN 978-5-906880-34-5

© Черемных К. А., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Последняя победа Папы Карло	5
Америка сосредоточивается	16
Большой французский чейндж	21
Управляемый иудейский хаос	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Константин Черемных

Кланы Америки: опыт геополитической оперативной аналитики

Последняя победа Папы Карло Дослужит ли Барак Обама до конца второго срока?

Оправдавший доверие

Когда мулат Барак Обама впервые появился на мировых телеэкранах, новой звезде американской политики не придали значения. Считалось само собой разумеющимся, что наследницей Джорджа Буша станет Хиллари Клинтон – и по ассоциации с чередованием Бушей, и по слухам о неких договоренностях между двумя семействами, и, наконец, просто потому, что «цветных» в Белом Доме раньше не бывало.

Британское Королевское общество уже успело отыскать в родословной матери Барака Обамы родство с президентом Конфедерации Джефферсоном Дэвисом, а отечественные говорящие головы все продолжали долбить, что победит Хиллари. Перлом колониального мышления стало предложение российско-украинского политолога Андрея Окары выдвинуть в президенты России Валентину Матвиенко, в чертах лица которой эксперт из Полтавы угадал нечто общее с Екатериной Великой. На торжество глобального феминизма, впрочем, в ту пору рассчитывали и французы с Сеголен Руайаль, и израильтяне с Ципи Ливни. Но звезда Обамы спутала все карты. Матриархат воцарился где угодно (в йеменской исламской оппозиции, в российских вооруженных силах), но только не в американской политике.

Обыденное экспертное мышление (conventional thinking) прохлопало ушами, во-первых, качественный сдвиг в американском сознании, который датируется еще 1960-ми годами, когда в университетах США, включая такой оплот консерватизма, как Джорджтаун – был отменен расовый и иммиграционный ценз. Во-вторых, не было замечено, что на Обаму «положил глаз» Голливуд – крепость планетарной масс-культуры по соседству со Стэнфордом, цитаделью конверсии стратегических военных технологий в стратегический информационный потенциал.

И наконец, лишь немногие, в частности, автор этих строк, обратили внимание на особый дар долговязого мулата: на его публичных выступлениях у детей-истериков излечивались многолетние параличи, а многие посетители впадали в глубокое детство и начинали раскачиваться, как пациенты Анатолия Кашпиоровского. Мулат обладал энергетическим даром, который был замечен, как потом выяснилось, еще педагогами Гарвардского университета, где технологиями массового воздействия профессионально занимаются несколько десятилетий: здесь работал автор термина «мягкая власть» Джозеф Най, который догадался пригласить в Гарвардский центр международных отношений маргинала-шизоида Джина Шарпа.

Барак Обама так умел произносить слово «надежда», вкладывая в него такой мистический заряд, что вера в чудеса растопила сердца обитателей американской глубинки, презрительно именуемых rednecks. Такая генерализованная вера в чудо и требовалась империи, пораженной кризисом на фоне двух незавершенных войн. Экс-глава Федерального казначейства Роберт Рубин, непосредственно занимавшийся спасением американских банков, в 2007 году стал сопредседателем Совета по международным отношениям – «руководящей и направляю-

щей силы» американской стратегической политики. С Робертом Рубином Обаму познакомил его одноклассник по Гарварду Майкл Фроман, работавший под его началом в Citigroup.

Второе имя мулата – Хуссейн – имело особое геополитическое звучание. Чтобы покорить ислам не военным, а иным, более эффективным способом, всерьез и надолго, был нужен и внешнеполитический миф. Гарвардская наставница Обамы, Марта Майноу, неслучайно познакомилась со своим отцом Ньютоном Майноу, который при Джоне Кеннеди возглавлял Федеральную комиссию по коммуникациям, затем возглавлял консультативный комитет по поддержке гражданских свобод в ходе борьбы с терроризмом при Пентагоне и входил в совет директоров RAND Corporation, то есть был непосредственно причастен к конверсии военных технологий в информационные. А он уже представил его влиятельному чикагскому судье Авнеру Микве. Чтобы управлять миром не финансовыми рычагами, а средствами внеэкономического принуждения, нужно хорошо знать международное право со всеми его несуразностями и прорехами.

Обама не подвел своих учителей. Его гипнотическая речь в Каире стала прологом к «арабской весне», которая перевернула страны Магриба, поставила крест на мечтах их лидеров об опережающем промышленном и военном развитии, а одновременно – не оставила мокрого места от планов французского имперского возрождения под маркой Средиземноморского союза. Прямые последствия «арабской весны» – иммиграционный вал в Европе, спровоцировавший раскол элит и ускоривший кризис еврозоны, и сирийская кампания, заложившая мину под Турцию, выстроила новый тип международных отношений, в котором союзники стали вассалами. Суть этой вассализации ощутил и оценил Владимир Путин, столкнувшись с последствиями собственного тандемного легкомыслия.

В свой внешнеполитический багаж Обама вполне мог бы занести и вассализацию России, которая не только согласилась при нем на сокращение стратегических вооружений, но и вступила в ВТО на заведомо невыгодных условиях. Долговязый мулат проявил, однако, к Москве дипломатическое снисхождение – даже физически, фотографируясь с головами тандема так, чтобы не бросалась в глаза разница в росте. Хотя в этом снисхождении не было особой нужды после похода с Медведевым в арлингтонскую столовку и последующим восторгом президента одной седьмой части суши от полученного в подарок айфона. Чтобы поставить вассала на место в мировой системе, вовсе не обязательно физическое унижение.

Впрочем, больше всего униженными в период правления Обамы ощущали себя малые страны, которые он, в отличие от Буша, демонстративно не посещал, считая это нецарским делом. Так же демонстративно он игнорировал исторические сантименты – вроде памяти о Второй мировой войне. На 65-летию ее окончания российскому тандему пришлось довольствоваться присутствием израильского президента Шимона Переса. Ближайший же союзник, Великобритания, в лице нового премьера Кэмерона была вызвана на ковер по поводу ущерба, причиненной ВР в Мексиканском заливе. Оскорбленный наследник Черчилля и Тэтчер на ковер не явился, но этим его фронда и ограничилась: как и при Буше, британцы покорно таскали Америке жар из огня в Афганистане, а затем вместе с французами деятельно участвовали в экзекуции Ливии.

Пожалуй, единственное, что Обаме не удалось – это перезагрузка Китая, хотя там был найден и удобный «перезагрузчик» – Дай Бинго, и подходящие разменные монеты, включая экономическую интеграцию с Тайванем. Не получилось главное – подвигнуть Пекин на ревальвацию валюты в обмен на технологии. Зато удалось вмешаться в ротацию китайской элиты: дискредитацией Бо Силая прицельно занимался портал «Дипломат», китайским отделом которого руководит сотрудница рокфеллеровского Asia Society. В свою очередь, будущий председатель КНР Си Цзиньпин не меньше опального Бо Си Лая повязан с Америкой, где учится его сын, как и дети саудовских миллиардеров, и дочь духовного отца «Братьев-мусульман» Юсуфа аль-Кардави.

Страна с рекордным внешним долгом ничуть не перестала быть первой державой мира. Скандальный арест директора-распорядителя МВФ, попавшегося на сексуальных излишествах, столь же убедительно напоминает вассалам о послушании, как и майка, подаренная российскому премьеру вдобавок к айфону. Последняя попытка сговора за спиной Америки – флирт Саркози и Меркель с Китаем и запланированный, но сорванный тройственный союз Берлина, Парижа и Москвы осенью 2010 года – сейчас уже никем не вспоминается. Евро-союз, получивший с барского плеча Нобелевскую премию за мир, как пособие для инвалида, лишился сколько-нибудь ярких и самостоятельных лидеров и судорожно борется за выживание, покорно и вопреки собственным рыночным интересам подписывается под антииранскими и антисирийскими санкциями.

Во время предвыборной кампании в США европейские публицисты сдавленно жаловались, что тема Европы никак не звучит в риторике кандидатов. России повезло больше: ее хотя бы заметил конкурент Обамы – Митт Ромни. Заметил для того, чтобы поставить ее на место на своем, республиканском языке.

Правильная настройка эфира

Имперская политика отличается от колониальной тем, что империя даже в час крайней уязвимости ставит перед собой сверхзадачи и мобилизует своих подданных, не позволяя им подвергнуться панике и унынию.

Ураган «Сэнди» был сопоставим по силе с таким же ударом стихии по Новому Орлеану в 2005 году. При этом впервые за историю нью-йоркского метро были затоплены все туннели, пересекающие Ист-Ривер, и впервые с XIX века были отменены торги на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Прежде чем эксперты и социологи успели оценить «Сэнди» как предвыборный фактор, в эфире CNN и NBC, прямо по курсу камеры появились люди, пляшущие под ливнем в плавках и демонстрирующие полное пренебрежение к стихии, мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг призвал «держаться вместе и подставлять друг другу плечо, как в трудные времена», а управляющий 48-этажным жилым комплексом отправил пешком по лестницам команду спасателей, которая вынесла на руках беременную женщину, доставив ее в родильное отделение. Оглашенные в первый день оценки материального ущерба были занижены по крайней мере в четыре раза.

Партийные агитаторы, разумеется, не могли не попытаться извлечь выигрыш из бедствия. Правая «Вашингтон таймс» прямо назвала ураган «обамовой Катриной». Но при этом была вынуждена признать, что репутацию Барака Обамы оперативно и энергично поддержали теле- и радиоканалы.

Это было закономерно. Белый Дом удачно воспользовался британским медиаконфликтом, чтобы поставить на место правого либертарианца Руперта Мердока. И не только экономически: отборный состав либерального телеэфира, от международников до героинь мыльных опер, целенаправленно издевался над консервативным каналом Fox News, особенно в эфире программы Colbert Report, которая прицельно пародировала ключевую мердоковскую программу «Фактор О'Рейли». Вупи Голдберг, псевдоним которой произведен от whoopy cushion – «пукающая подушка», издавала свои непревзойденные звуки в телекамеру в промежутках между торжествующими репортажами о марше «арабской весны». Совет управляющих иностранным вещанием (BBG) при Обаме возглавлял Уолтер Айзексон, экс-президент CNN – прямого конкурента мердоковской News Corp. Его преемником назначен Джеффри Смолл с NBC – канала, особо отличившегося в период кампании.

Митт Ромни, по выражению «Бостон Глоб», решить три задачи: перетянуть на себя колеблющиеся штаты, подстегнуть традиционный электорат Республиканской партии и глав-

ное – не наделать ляпов, поскольку каждый ляп отзывался в демократических СМИ фейерверком изошренных «подколов».

Беспроектным вариантом возбуждения пожилого электората была, разумеется, российская угроза. Команда Ромни обвиняла Обаму в том, что ВВГ допустила роспуск российской редакции «Радио Свобода», а ее новый редактор Маша Гессен называлась агентом Владимира Путина. Таким образом предполагалось убить двух зайцев – русского и транссексуального.

Однако из-за урагана «Сэнди» республиканская команда допустила-таки обидный ляп. Ромни поспешил покаяться в том, что не придавал достаточного значения теории климатической катастрофы, грозящей глобальным потеплением. Однако на следующий день на пораженном стихией побережье не потеплело, а похолодало.

Обама оказался хитрее. На пресс-конференции в день урагана рок-ветеран Стиви Уандер подцепил его конкурента с экономической стороны – заметив, что все достижения частного капитала, которому Ромни хочет максимально облегчить жизнь, могут быть «за два дня сведены на нет Матерью-Природой». Из этого не следовало никаких прогнозов, зато действующий президент лишней раз расписался в верности постиндустриальному культу, написанному на скрижалях Совета по международным отношениям.

Искусственный отбор

Команда Обамы еще в период его первой кампании пестрела теоретиками от экологизма (environmentalism). Федеральную комиссию по коммуникациям возглавил его однокурсник Джулиус Генаховский, автор доклада для Конгресса, где возвещалось, что «зеленая экономика» станет важнейшей рыночной силой. Совет по научно-технической политике при Белом Доме возглавил Джон Холдрен – автор огромного числа статей о климатической угрозе и сторонник полной ликвидации атомной энергетики. Первым же их нововведением был полный перевод администрации на электронный документооборот – не столько ради пресловутой прозрачности, сколько во имя экономии бумаги и сохранения якобы исчезающих лесов. Впрочем, при освобождении площадей для ветряных и солнечных электростанций дикая природа приносилась в жертву без сожаления, а столь же искусственный бум солнечной энергетики ставил Америку в прямую зависимость от поставок редких металлов из Китая.

Любая единственно верная теория требует жертв, зато окупается пропагандой. За год до «арабской весны» арабских лидеров на конференции в Бейруте затоплением Ливана и засухой в Египте. Хосни Мубарак, не веривший в единственно верную теорию, мечтал об атомной энергетике. Теперь он мечтает спокойно умереть. В отличие от Дмитрия Медведева, зеленая лапша навешивалась на уши которого столь же легко, как айфон на грудь. (Адепт модернизации не знал, что химкинская эпопея обернется и против него, что было неизбежно хотя бы потому, что чистоты природы никогда не бывает достаточно).

Глобальное потепление в последние два десятилетия было одним из ключевых предметов спора между двумя американскими партиями – наряду с правами сексуальных меньшинств и абортами. Межпартийная дуэль на природоохранную тему разразилась ровно за год до выборов, когда экологическая общественность пикетировала Белый Дом с требованием остановить проект нефтепровода Keystone XL, соединяющего канадские нефтяные пески провинции Альберта с берегом Мексиканского залива. Никакие доводы о новых изоляционных технологиях не убеждали активистов, что прокладка трубы не повредит Огалалайскому водоводу, который трасса должна была пересечь под прямым углом. А одновременно возник скандал вокруг института Heartland, который поддерживал проекта: выяснилось, что его экспертов финансируют участники проекта Keystone братья Чарльз и Дэвид Кох. Это уже напрямую касалось

предвыборной кампании: два миллиардера вложились сразу в нескольких республиканских номинантов.

Экологистов приехали поддержать Далай-лама и южноафриканский епископ Десмонд Туту, а на манифестациях «оккупантов» был замечен Джеффри Сакс, ныне возглавляющий Институт Земли Колумбийского университета. Против Keystone XL ополчился и финансируемый Джорджем Соросом Центр американского прогресса (САР) – главный организационно-пропагандистский ресурс демократов. В итоге Барак Обама отложил проект до послевыборных времен.

Главный эффектом прошлогоднего скандала, впрочем, стала перетасовка в рядах республиканцев. Вслед за Сарой Пэйлин, Мишель Бахман и Риком Перри из игры внезапно вышел единственный чернокожий кандидат Герман Кейн – несмотря на то, что по первым результатам праймериз он шел впереди. Кейн, не скрывавший своей личной дружбы с Кохами, и вообще очень открытый и жизнерадостный человек, ударился в молчанку, не объяснив причин своей капитуляции.

В кампанию 2008 года республиканцы делились между собой преимущественно по другой позиции – внешнеполитической. Тогда взгляды «номинантов побережья» (Джон Маккейн, Руди Джулиани) принципиально расходились с выдвиненцами «глубинки», которые наиболее последовательно представлял Рон Пол.

В этом году расхождение экспансионистов и изоляционистов было не только организационным (изоляционисты образовали «Чайную партию»), но и программным: финансовый кризис заметно прибавил аргументов сторонникам самоограничения. Тем не менее основные критерии «отбраковки» оказались другими. Так, Сара Пэйлин и Майк Хаккаби отстаивали активную политику США на Ближнем Востоке, но при этом были привержены традиционным консервативным ценностям (семья, собственность, частная жизнь) и не верили в глобальное потепление. Таких же позиций придерживались Мюриэль Бахман и Рик Санторум. При этом Бахман подвергала сомнению и мейнстримный взгляд на энергосбережение: она доказывала, что от люминесцентных ламп больше вреда, чем пользы, при этом именно экологического вреда.

Все эти консерваторы классического образца были вынуждены сойти с корабля. После прополки «руководящей и направляющей силой» у республиканского электората остался весьма ограниченный выбор. На страницах Weekly Standard ее издатель Билл Кристол 8 декабря прошлого года удовлетворенно резюмировал: «Теперь очевидно, что республиканским кандидатом станет или Ньют Гингрич, или Митт Ромни. Эти два кандидата отстаивают современные республиканские ценности – американскую исключительность (American exceptionalism), развитие военной промышленности и поддержку Израиля».

Митт Ромни в 2008 году еще казался провинциалом на фоне Маккейна и Джулиани. В этом году на тему традиционных – но по Кристолу, теперь несущественным – вопросам он проявлял заметную гибкость. Он не посмел бросить вызов интернет-монополистам, растоптавшим право на частную жизнь. Он не стал ни оспаривать, ни высмеивать введенный Обамой карт-бланш на службу открытых гомосексуалов в армии. Его партия на предвыборной конвенции поставила ребром только вопрос об абортах. И как и предсказала Анна Дейзин, профессор французского института Нантер, это был проигрышный ход: во время кризиса продолжение рода перестает быть приоритетом и для консервативного населения.

Зато исключительность Америки для республиканского кандидата была такой же неоспоримой догмой, как для его конкурента. Однако военные средства отстаивания этой исключительности не могли снискать общенациональной поддержки – как и понимания в Европе, которую он призвал воздержаться от сокращения военных arsenалов. В стянутом финансовой петлей Евросоюзе его наставления были восприняты как прелюдия к новому принуждению таскать каштаны из огня. Неудивительно, что именно в консервативном Техасе дали от ворот

поворот европейским наблюдателям: республиканцы не ожидали от Европы ничего, кроме прямого или косвенного лоббирования Обамы.

«Мягкий экспансионизм» в условиях 2012 года не мог быть побежден «жестким экспансионизмом». Мир слишком очевидно лежал у американских ног, чтобы оправдания новых войн звучали убедительно. А кроме того, бытовой опыт любой американской семьи свидетельствовал, что очередная война – повод для всплеска цен на нефть и, соответственно, на бензин. К последним теледебатам Ромни догадался, что перегнул палку с угрозами наказания внешних врагов: его внешнеполитическая интонация так резко смягчилась, что даже вызвала насмешки европейских СМИ.

Мессианская дуэль

Организация «Профсоюз граждан России», специально выискавшая домашний адрес певицы Мадонны, чтобы привлечь ее к ответу за сеяние разврата, может быть, рассчитывала возбудить традиционно консервативную русскую эмиграцию. Однако бенефициаром оказалась другая сторона противоборства: ведь Мадонна не просто так путешествовала в Россию и не просто так воздавала хвалы вышеназванному Далай-ламе. Это была четырехмесячная агитационная кампания в пользу Демпартии и лично Обамы, о чем поп-звезда публично объявила по ее завершении 6 сентября на концерте в Нью-Йорке. Со словами «сегодня покажу вам не свою задницу, а свои чувства» Мадонна скинула топ, под которым на невинном месте, на спине чуть ниже лифчика, большими и ровными черными буквами было написано ОБАМА.

Высказывание о том, что клопы на диванах не отдыхают, а работают, применимо к отечественным артистам, но не к американским. Наши граждане много лет недоумевали, для чего Владимиру Путину Ксения Собчак, пока в Новый 2012 год она не подвергла циркумцизии свои колготки в студии телеканала «Дождь» за любимого руководителя – под столом, без огонька и импровизаторского креатива.

Мадонна пожертвовала куда большим. Задолго до выборов она объявила о своем увлечении каббалой, что требовала не только физических, но и немалых для ее типажа интеллектуальных усилий, зато делало ее не просто певицей с чудачествами, но и полпредом Белого Дома в Земле Обетованной. Такой полпред Обаме был нужен хотя бы потому, что некоторые предыдущие полпреды – Джордж Митчелл, Роберт Мэлли, затем Рам Эммануэль – были отвергнуты этой землей, а прочие – например, Деннис Росс – публично объявили о несогласии с демократической ближневосточной линией.

Предвыборная команда Митта Ромни также вовлекла не простых, а идейных деятелей искусства. Так, например, актер и режиссер Клинт Иствуд практикует трансцендентальную медитацию и, соответственно, также являет собой культурный мост с индуизмом. Другая линия его призвания обозначена орденом Почетного легиона, который ему лично вручил Никола Саркози.

В специальных полпредах на Земле обетованной Ромни не нуждается, поскольку Церковь Христа Святых Последних дней (секта мормонов), самая состоятельная из американских деноминаций, содержит в своих текстах прямую связь с Сионом – по ее представлениям, американцы представляют собой потерянное племя Израиля. Эта прямая связь проявила себя в многочисленных паломничествах в Палестину задолго до возникновения израильского государства и задолго до появления там иных американских и европейских мессианских общин. Впрочем, полпреды у Ромни там есть, притом в разных функциях. Так, летом прошлого года, когда израильские левые на средства американских спонсоров Дэвида Абрахама, Йосефа Маймана и других собрали в Тель-Авиве невиданную 300-тысячную протестную толпу, где бросалась в глаза радужная символика гомосексуалов, популярный телеведущий-мормон Гленн Бек прибыл в Израиль, чтобы бросить вызов этим бузотерам. За что Беку, в недавнем про-

шлом увлекавшемуся Ницше и Гитлером (эти авторы избавляли его от суицидальных мыслей), досталась награда «За защиту Израиля» от Американской сионистской организации.

Куда более важную роль в команде Ромни сыграла дама с гипнотизирующей внешностью гадалки-прорицательницы, в 1993 году получившая должность президента в компании Vain&Co. – главном экономическом трамплине кандидата. Эта дама по имени Орит Гадиш, дочь израильского бригадного генерала Фалька Гадиша (Грюнфельда), ранее служила в военной разведке Израиля, а в настоящее время входит в международный совет Центра Переса за мир. Уникальный контакт позволил Ромни получить опору поверх партийных линий – то, что ему не мог предоставить игорный магнат Шелдон Адельсон, спонсор Гингрича, поневоле примкнувший к его команде.

В августе этого года Ромни, триумфально принятый в Иерусалиме, поставил Обаму в политический тупик. Как оппозиционер, он имел большую свободу геополитической, в том числе антииранской риторики. Но конфуз Обамы состоял не только в том, что ввязывание в еще одну войну представляло военно-политический риск. Бомбардировка Ирана создала бы ему и внутренние предвыборные проблемы.

Отечественный телезритель – благодаря прежде всего монополии Евгения Сатановского и его братьев по разуму в освещении ближневосточных событий – представляет себе иранскую диаспору в США как группу сторонников изгнанной шахской семьи Пехлеви. На самом деле эта семья, отягощенная наследственной депрессией и погрязшая поэтому не только в роскоши, но и в зависимости от лекарств, для сегодняшнего поколения персов-американцев – скорее предмет стыда, чем политический ориентир. Большинство диаспоры, где первую финансовую скрипку играют иранцы Силиконовой долины, объединено в Национальном конгрессе иранских американцев (NAIC), который придерживается подчеркнуто миролюбивой линии. Деятели NAIC, а также ее спутниковых структур – PARSА и HAND Foundation, философски смотрят на нынешнее иранское руководство и убеждены в том, что превосходство Америки в информационных технологиях не сегодня, так завтра растопит льды и сделает Иран более надежным союзником США, чем капризная и злопамятная Турция.

Район Вествуд в Лос-Анджелесе в быту именуют «Тегеранджелес». Нушин Хашеми, соучредительница HAND и топ-менеджер Oracle, входит в состав совета директоров New America Foundation, которым руководит глава Google Эрик Шмидт. В составе руководства PARSА – Омид Кордестани из Google, Салар Камангар из YouTube и Лорена Пауэлл-Джобс – вдова Стивена Джобса. Они делают погоду в иранской диаспоре, а никакие не выморочные шахи. А о возможностях спонсоров шахского семейства можно судить по питающемуся крохами с их стола Гарри Каспарову.

Как в политическом, так и в финансовом отношении американские демократы меньше всего заинтересованы в том, чтобы потенциал американских персов достался их партийным соперникам. Тем более учитывая тот факт, что электоральная опора в арабской диаспоре, которую долго и талантливо обеспечивали демократам сенаторы и конгрессмены ливанского происхождения, уже частично перетекла к республиканцам: не зря Джон Маккейн обхаживал египетских «Братьев-мусульман», используя себе на пользу каждую ошибку Обамы.

Летом 2011 года Барак Обама был убежден в том, что в ближневосточной политике ему удалось не просто переиграть, а разгромить республиканцев. Ставка на Катар, сделанная еще Клинтоном (в 1996 году запущен канал «Аль-Джазира», с 1998 года в Дохе начали открываться филиалы ведущих американских университетов и «мозговых центров») оправдала себя в «арабскую весну». Казалось, что Катар, где уже полвека проживает управляемый шейх Юсуф Кардави, может заменить Израиль в качестве стратегического партнера США в регионе. Камнем преткновения оказалась Сирия, где «Братья-мусульмане», как и в Египте,

Тунисе и Йемене, должны были получить власть, но столкнулись с совместной интригой Франции и Саудовской Аравии.

Красивая схема начала рушиться, и Обаме пришлось пойти на попятную перед традиционным союзником, не желавшим входить в роль второстепенного вассала. В конце января этого года главой администрации Белого Дома стал Джек Лью – первый еврей в этой должности за всю историю. По оценке Дэвида Джибсона из Religion News Service, ортодоксальный иудей Джек Лью, имеющий «широкие связи в американской еврейской общественности, поможет президенту Обаме наладить более дружественный контакт с Биньямином Нетаниягу».

Как раз в это время Шимон Перес попытался сыграть на противоречиях в израильском правительстве и начал формирование альтернативной право-левой коалиции, куда перетягивал в том числе и главу партии «Наш дом Израиль» (НДИ) Авигдора Либермана. В другой израильской партии, «Кадима», любимица демократического Госдепа Ципи Ливни уступила руководство экс-главе генштаба армии генералу Шаулю Мофазу. Однако Нетаниягу был начеку: вначале он предложил Мофазу войти в его правительство, а когда Мофаз стал «топырить пальцы», отказался от его услуг, инициировал досрочные выборы и заключил стратегический альянс с Либерманом: правящая «Ликуд» и НДИ образовали единый блок под названием «Наш дом Ликуд». Из Нью-Йорка немедленно прибыл легендарный имиджмейкер Артур Финкельштейн, а 4 ноября в Иерусалим явился Деннис Росс. Главное препятствие их планам – надоедливая Хиллари – в это время паковала чемоданы.

В результате израильской перегруппировки в тупике оказался уже Митт Ромни. Идеологически республиканцы-экспансионисты ближе к израильским правым, но по воле случайности спелись с культовой фигурой левых. Теперь партии «Авода» Переса-Яхимович осталось не на кого опереться, кроме как на тот самый протестный электорат, который Гленн Бек только что гвоздил за соглашательство с арабами. А команда Ромни осталась между двух стульев: Обама получил весь спектр, представленный в Американско-израильском комитете по внешним связям (AIPAC).

По традиции израильский фактор в американской политике приобретает ключевую роль в самом конце президентской кампании. Так было во время противостояния Буша и Гора, так оказалось и в ситуации, когда по совокупности внешних и внутренних обстоятельств Обама и Ромни сравнивались в рейтинге.

Ненадежная почва

Одним из самых неожиданных для Белого Дома ходом оппонента стало возникновение пары Митт Ромни – Пол Райан. Личность кандидата в вице-президенты намеренно приуменьшалась демократическими СМИ – вплоть до того момента, когда Райан с неоспоримым преимуществом обошел своего визави Джо Байдена на открытых теледебатах.

Пол Райан – молодой циник, весьма напоминающий по экономической риторике Анатолия Чубайса образца 1992 года. Различие в том, что Райан – политик имперский, а не колониальный, и поэтому меры «шоковой терапии», затрагивающие – что не скрывается – преимущественно пожилых американцев, неразделимы в его представлении с наращиванием военного потенциала Америки. Более того, в этом нет противоречия, поскольку именно старшее поколение помнит «трудные времена» – и следовательно, во имя высших интересов может мобилизоваться, подтянуть пояса и приобрести ваучеры на социальную помощь. Только Райану хватило смелости пренебречь инерцией, оставшейся со времен «холодной войны», когда американская и советская модели конкурировали в качестве социальной политики: соревнование окончено, забудьте, и примиритесь с разгосударствлением Medicare. Дополнительным агитационным аргументом является собственный опыт медицинской реформы в Массачусетсе,

внедренный Ромни задолго до противоречивой и заметно коррупциогенной общенациональной реформы Обамы.

Игра Обамы была несравнимо более рискованной. Гленн Бек не зря изображал в своей конспирологической схеме «революционного дерева» ныне здравствующего Джорджа Сороса и ныне покойных Сола Алинского и Уэйда Ратке. Кампания против «жирных котлов», устроенная «окупантами» и экологистами, была кампанией самого Обамы. Исторические примеры, в том числе пример Зубатова в царской России, свидетельствуют, что заигрывание с леваками рискованно: они зачастую разочаровываются в своих кумирах без предупреждения. И в самом деле, часть леваков разочаровалась. Началось с движения WeAreChange, нашедшего транспартийный общий язык с Роном Полом; потом Сороса развенчал Славой Жижек; наконец, группа Anonymous ушла «влево от Джулиана Ассанжа» после того, как посольство Эквадора в Лондоне посетила Леди Гага, официально работающая по контракту с гарвардским центром «Интернет и демократия». Нервируя старушку Хиллари, «анонимусы» покусились на святое – социальную систему образцово-показательной Эстонии, и мало того, похвалили Владимира Путина за списание долга африканским странам.

Между тем крупный бизнес не мог не отреагировать на инициативу Обамы о повышении налога на carried interest (фиксированную долю вознаграждения управляющих инвестиционными фондами) с 15 до 35 процентов. В результате на сторону республиканцев перешли такие влиятельные спонсоры, как Лестер Краун (вместе с Орит Гадиш входящий в международный совет Пересовского центра), Дэниел Леб и Клиффорд Эссесс. Еще один влиятельный финансист-демократ Стивен Шварцман сравнил налоговый рецепт Обамы с вероломным нападением Германии на Польшу в 1939 году.

Обаму подвели и его партнеры из «прогрессивной» альтернативной энергетики. Белому Дому с трудом удалось замять скандал вокруг компании Solyndra, получившей щедрый государственный кредит на строительство супер-инновационных (не плоских, а круглых) солнечных батарей и провалившей проект. Это фиаско совпало с остановкой производственной линии электромобиля Chevrolet Volt – несмотря на рекламу, не привлекавшего покупателей в кризис из-за дороговизны. В сентябре авторитетный эксперт в области энергетики Гэйл Тверберг на страницах Foreign Policy убедительно аргументировала мнение о том, что в ситуации затяжного финансового кризиса разработка углеводородов и добыча угля будут для бизнеса предпочтительнее альтернативной энергетики – и более того, если его не форсировать, топливо резко подорожает.

В канун выборов по репутации Обамы сильнее урагана ударила отставка генерала Картера Хэма с поста командующего Африканской командой войск США (АФРИКОМ). Поводом стали подозрения в «подстроенном» характере убийства посла в Ливии Кристофера Стивенса. «Разбор полетов» показал, что АФРИКОМ просто не располагал необходимыми авиационными ресурсами, чтобы помочь американскому контингенту. Но генерал хлопнул дверью слишком поздно. А кроме того, волна арабского возмущения фильмом «Невинность мусульман» улеглась так же быстро, как и вспыхнула.

Нельзя сказать, что только ислам в это время подвергался культурным провокациям. Третий год продолжалось расследование педофилии в Ватикане, группа FEMEN объявила «крестоповал» католикам, а Pussy Riot по разнарядке эпатировала православных. Однако единственным религиозным лидером, призвавшим все авраамические церкви объединиться против общей угрозы, оказался лидер лондонского Мусульманского форума действия Массуд Алам. Вряд ли это имя что-нибудь говорит деятелям «Профсоюза граждан России», не получившим инструкций вылезать поперед тандема дальше избличения кощунниц местного разлива.

Пускай воюют пацифисты

«По очкам» победителем теледебатов оказался Обама – в силу упомянутой выше большей подвешенности языка. Но не только. У Обамы более живой темперамент, что и послужило одним из главных козырей в дуэли на прошлых праймериз с Хиллари Клинтон. За время правления он растерял часть харизмы, но не темперамент. Он быстрее реагирует и стремительнее применяет контрудар, что объяснимо физиологически. На лице Обамы, в отличие от оппонента, несмотря на первые признаки седины, не обнаруживаются характерных мимических признаков атеросклероза.

Митт Ромни вел более упорядоченный образ жизни, чем Обама (юность которого прошла в американских лагерях в Пакистане), но ему в его бизнес-карьере чаще приходилось испытывать длительное нервное перенапряжение. У непьющих атеросклероз развивается быстрее. В дискуссии он проявляется в негибкости (ригидности), некотором замедлении темпа мышления. Ромни в большей степени нуждается в суфлерах и по причинам нехватки историко-культурных знаний (запомнился эпизод, когда он, сочувствуя жертвам поджога сикхского храма в США, назвал эту религиозную группу «шейхами»).

В ходе последних дебатов Ромни вступился за нефтяные компании, которых Обама лишил льгот за создание рабочих мест не в Штатах, а за границей. Он предъявил самый сильный аргумент, напомнив о том, что альтернативная энергетика, получившая льготы в размере 90-миллиардов долларов, экономически себя не оправдывает. Однако этот довод, убедительный для специалистов отрасли, неочевиден для большинства избирателей, в представлении которых «жирными котами» являются именно промышленные магнаты, особенно нефтяники, а не чиновники из Агентства по защите природной среды, обкладывающие этих магнатов непосильными налогами и сборами, которые как раз и вынуждают к выводу бизнеса за рубеж.

Линия левого крыла Совета по международным отношениям победила, о чем прямо свидетельствовала прямая поддержка Обамы на страницах *New York Times*, которая вместе с журналом *Foreign Affairs* является официальным рупором (mouthpiece) «руководящей и направляющей силы». Вторым победителем стало израильское правительство – единственное в мире, которому удалось сыграть на кампании в свою пользу.

Обама продолжит свой курс с корректировками. Он не будет прилагать – вопреки каирским обещаниям 2009 года – усилий к созданию палестинского государства, а сирийскую проблему делегирует турецкому вассалу. Впрочем, президент Совета по международным отношениям Ричард Хаасс еще в декабре прошлого года отдал руководящее указание о переносе центра тяжести демократизации с Ближнего Востока на Дальний. За «арабской весной» по разряду следует «азиатская», о чем вполне откровенно рассказывал руководитель стэнфордской программы «Технологии освобождения» Ларри Даймонд. По его словам, следующими мишенями демократизации через социальные сети станут Бирма, Вьетнам, Малайзия и Сингапур. Не исключается и третий по счету переворот в Таиланде.

В Бирме, которая была первой экспериментальной площадкой для «технологий ненасилия», революционная резня между буддистами и мусульманами уже сократила население на полмиллиона человек. ВВГ в этом году запустил в Янгоне новый просветительский радиоканал. О событиях в этой несчастной стране не особо распространяются ни мейнстримные западные СМИ, ни отечественные.

«Пускай воюют пацифисты, пускай стреляют в них буддисты, пускай считают каждый выстрел, а мне на это наплевать», – пелось в песенке израильского поэта Анри Волохонского. Когда стреляют буддисты, а гибнут мусульмане, мировой истэблшмент не исходит правозащитной слезой: как можно! Далай-лама – неприкасаемая фигура не только для Барака Обамы,

но и для Хаасса и Рубина. Здесь нет ничего удивительного. Интереснее будет послушать, что скажет почитатель сингапурской модели Герман Греф, когда разнарядка освободительной экспроприации дойдет до этой страны.

Судя по высказываниям главы Сбербанка на форуме АТЭС, он ныне совсем не испытывает симпатий к революциям. Но за него можно не беспокоиться: прежде чем разнарядка докатится до России, он успеет выгодно сбыть контрольный пакет акций банка. Репутация интернет-олигархии уже не абсолютна, как и репутация Обамы, и машина демократизации подобно проржавевшему механизму из рассказа Франца Кафки «В исправительной колонии» будет дальше катиться со скрипом и пережевывать жертвы не полностью. Несамодостаточные страны, которые в мире составляют уже почти три четверти, будут и дальше ходить по миру с протянутой рукой, а из разорившихся элит ни шатко, ни валко будет формироваться глобальное сообщество саботажа и мести. Сентябрьская осада офиса Google в Лондоне – первая ласточка «контр-весны».

Однако внутренние оппоненты – более серьезная опасность для режима Обамы. Митт Ромни в принципе не мог победить. Будь он реальной ставкой самых влиятельных мировых кругов, британское Монархическое общество нашло бы и в его роду великих людей, но увы, он всего лишь потомок одного из основателей Церкви Христа Святых последних дней, а последние дни, вопреки эсхатологическим ужасикам, в этом году не наступили. Другое дело, что сообщества нефтяных олигархов и производителей вооружений, которые 6 ноября были поставлены на место, не смиряются с этой обидой.

Экономические аналитики волнуются о том, наступит ли фискальный обрыв. Их спекуляции равны гаданию на кофейной гуще, поскольку реальная прибыль Америки давно уже обеспечивается непрозрачными теневыми рынками. Поэтому и не сбываются апокалиптические прогнозы Линдона Ларуша: рынок деривативов рухнул, но спекулянты не остались без штанов. И бегство капитала из Египта, и оптимизация транзита наркотиков (Бухарест вместо Инджирлика, или Ульяновск вместо Гвадара) еще долго будет поддерживать эти штаны.

Интереснее другое – когда рухнет рынок тесно переплетенной между собой альтернативной энергетики и сетевой интернет-экономики. Хотя бы по той причине, что этот крах будет не только экономическим, но и идеологическим. Только когда серийное банкротство этих секторов прокатится от Нью-Джерси по Калифорнии, и до каждой дремучей экологической башки дойдет, что климатическая теория была блефом для легковых, а экономическая основа «надежды» – бутафорией вроде волшебной дверцы в сказке «Пиноккио», в Соединенных Штатах случится то, чего давно жаждут жертвы их геополитики – смута.

6 ноября Обама написал в Twitter: «Еще четыре года». Но если божки Twitter и Greenpeace рухнут с небес раньше, срок окажется короче.

Смуты в истории Соединенных Штатов еще не было. Но мало ли чего не было. До XX века не было таких вещей, как Уотергейт. До начала XXI века не было мулата-президента и охоты на «жирных котов». «Похудевшие коты» становятся злее. Они, видимо, и сделают мир многополярным, благо больше, похоже, некому.

12.11.2012

Америка сосредоточивается

Складывается впечатление, что у технологов информационных войн на рубеже 2012–2013 годов иссякла фантазия. Может быть, они просто устали. В Америке директора ЦРУ Петреуса и его протеже, командующего контингентом в Афганистане Джона Аллена, «мочили» тем же безыскусными средствами, что годом раньше Доменика Стросс-Кана – сплетней об адюльтере.

Такое же скудоумие свойственно и отечественным эпигонам американских information warriors. В декабре в переплетении петербургских отопительных труб проникательные борзописцы углядели следы путинского дзюдо-клуба «Явара-Нева». А сонную посленовогоднюю неделю взбудоражило очередное изобличение кооператива «Озеро». Поводом стала неточная интерпретация журнала Foreign Policy агентством «ИТАР-ТАСС». Заокеанские специалисты по рейтингам, согласно тексту агентства, признали Владимира Путина самым влиятельным политиком в мире. На самом деле, как потом уточнил Foreign Policy, такую оценку дал отдельно взятый рейтингист Ян Бреммер, а кроме того, его неправильно поняли: он употребил не слово influential («влиятельный»), а powerful.

Из этого казуса наши бдительные эпигоны извлекли целую теорию. Пункт первый: президента подставили. Пункт второй: виноват гендиректор ИТАР-ТАСС Михайлов. Пункт третий: этот гендиректор неформально связан не только с пресловутым «Озером», но и с экс-главредом «Коммерсанта» Васильевым. То есть почти что с Березовским. И сам Васильев в подпитии, как и полагается на Новый год, развязывает язык про былые исполнения заказов господина Михайлова во благо православной духовности.

За изобличением, как всегда, мерещатся оргвыводы такого же масштаба, как в Америке. Параллели и вправду есть: Петреуса уличили в том, что он за глаза обсуждал собственные президентские амбиции с руководством телеканала Fox News. Было это в начале 2011 года, а полгода спустя в Лондоне начался «наезд» на владельца канала Руперта Мердока, симпатизирующего республиканцам. До самого Петреуса «баллон» докатился, правда, только через год – день в день с выборами.

У нас выборы тоже прошли год назад, и тоже кто-то чего-то доселе не переделал. До недавних пор это было хорошо заметно по строкам «Коммерсанта», оплакивавшего отечественный инвестклимат на фоне магнитско-антимангнитской дуэли. «Перезагрузку не выбрали на новый срок. Закончилась оттепель в отношениях США и России», – стонал обозреватель Сергей Строкань 27 декабря. «После выборов Москва так и не увидела в Белом доме того Барака Обаму, второго срока, на которого она рассчитывала... Неожиданностью стало признание США сирийской оппозиции, которое окончательно вынудило Москву уйти по сирийскому вопросу в дипломатическую оборону.»

Однако более продвинутый Константин Эггерт (в светских кругах – «фон Эггерт»), на «Коммерсанте-FM» исполняющий функцию дежурного критика авторитаризма заодно с православной духовностью, еще днем ранее вдруг открыл, что никакой «новой холодной войны» Обама с Россией устраивать отнюдь не собирается. Ведь ему, Обаме, от Москвы сильно нужна новая редакция закона об СНВ. И посему, какие бы антимосковские инициативы не предпринимал Конгресс, прагматичный Белый Дом смотрит сквозь пальцы даже на такую обиду, как выдворение Агентства по международному развитию (USAID) и финансовые проблемы его постоянных клиентов.

А 11 января тот же фон Эггерт картинно изумился инициативе «Марша против подлецов», и, мало того, вполне откровенно намекнул, что интеллигенция бузит не сама по себе, а от случая к случаю, будто кто-то – очевидно, в данном случае не Обама и не Путин – дергает за веревочку и некстати портит новое потепление.

Сведущий пропагандист не зря поправлял собственного коллегу. В самом деле, признание – признанием, а уже 25 декабря спецпосланник ООН в Сирии Лахдар Брахими огласил план, позволяющий Башару Асаду еще два года пребывать у власти. Такой план категорически не поддерживался Хиллари Клинтон и эмиром Катара, зато вполне устраивал франко-саудовских конкурентов по схеме урегулирования. Больше того, Брахими после этого отправился в Москву, а российские корабли – наоборот, в Сирию. И нельзя сказать, чтобы Белый Дом по этому поводу бряцал подлежащим сокращению оружием.

Может, за океаном подумали, подумали и в самом деле сочли Владимира Путина самым влиятельным политиком мира?

У Владимира Путина было хорошее выражение: «давайте отделим мух от котлет». Если из казуса вокруг заметки в Foreign Policy изъять аппетиты конкурентов гендиректора ИТАР-ТАСС, картинка станет действительно несколько чище. И вместо поисков «виноватых» можно будет порассуждать о сути дела, то есть пресловутой оценке.

Вот и рассудим. С одной стороны, Ян Бреммер – мэйнстримный эксперт, а не инакомыслящий вроде Пола Крэга Робертса или Джульетто Къезы. Он специально пояснил, что его термин powerful не характеризует влияние в мире, и никакого американского политика он бы в такой рейтинг не включил. С другой стороны, powerful – нисколько не ругательное слово. В применении к машине оно означает «мощный», в применении к человеку – «могущественный». Не больше и не меньше. Это вполне лестное определение, характеризующее влияние политика в его собственной стране, Бреммер применяет слово и к лидеру Ирана Махмуду Ахмадинежаду. Не потому, что ему или Белому Дому нравится, а как бы объективно.

Но чтобы очистить котлеты от мух и с другой стороны, давайте подумаем: а для чего вообще к Путину и Ахмадинежаду применять лестные слова? Вот, например, спецгентство Organized Crime and Corruption Reporting Project, базирующееся в Сараево, составило свой рейтинг «коррупционеров года», где на первом месте оказался президент Азербайджана Ильхам Алиев. По как бы объективным критериям Бреммера, хозяин Баку вполне подходит к критерию powerful. Уж во всяком случае, по степени концентрации экономической власти в государственных руках, не говоря уже о методах контроля над оппозицией. Но Бреммер его не видит, зато видит Путина и Ахмадинежада. Отчего так?

Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов, суммируя события ушедшего года еще до инициативы Брахими, не смог скрыть своего разочарования Барак Обама, как и широкими массами американцев. В самом деле, боевитый республиканец Ромни призывал шарахнуть по ядерным объектам Ирана ракетами – не своими, так израильскими. А нерешительный Обама этого не поддержал.

«Испокон века власть означала обязанность и необходимость принятия решений, в том числе самых тяжелых и неприятных», – гвоздит нравоучительный Лукьянов не удовлетворивший его экспектации Белый Дом. Нерешительному Обаме остается только посыпать голову пеплом поверх прорезавшейся седины.

На самом деле пеплом посыпает намечающуюся плешь как раз Митт Ромни. После выборов его не видно и не слышно, а его партия пребывает в растерянности и разброде. У республиканца были шансы: на его сторону перешли было многие влиятельные спонсоры демократов, и не только в США. А потеря качества произошла именно в тот момент, когда Ромни прокатился по маршруту Лондон-Варшава-Иерусалим и сильно смутил аудиторию, в том числе польскую, откровенно расистским хамством. И когда в шершавом языке его слоганов соотечественники расслышали знакомый лязг продукции ВПК, представляемого его советником Джоном Леманом.

Широким массам электората, приветствовавшим «арабскую весну», почему-то не приглянулась идея бомбардировки иранских ядерных объектов, сиречь таскания каштанов из огня

для израильского правительства Биньямина Нетаниягу. Несмотря на то, что по формальным показателям он вроде бы тоже powerful.

И эти массы можно понять. Во-первых, наращивание военных расходов – не самая популярная перспектива для рядового американца. Электорат Республиканской партии был больше склонен затягивать пояса ради интересов родного ВПК, но уже пять лет назад в партийных рядах расширилась и окрепла доля изоляционистов, которых представлял второй по популярности номинант Рон Пол.

Во-вторых, большинство арабской диаспоры традиционно голосуют именно за Демократическую партию США. Как и большинство иранской диаспоры, которое уже давно не ориентировано на деградировавшее семейство Пехлеви. Трита Парси, президент Национального Ирано-американского совета, был в числе авторов петиции в Конгресс против бомбардировки.

Иранская диаспора – мощный электоральный фактор, а особенно в том штате, где Обама пользовался максимальным успехом и на первых, и на вторых выборах – в Калифорнии. В крупнейшем городе штата, помимо Голливуда, достопримечательностью является район компактного проживания иранцев, в просторечии именуемый «Тегеранджелес». Это не трущобы. Именно в Калифорнии живут иранцы-миллиардеры, сделавшие состояния в IT-секторе.

Солидные вливания от иранской диаспоры получали многие конгрессмены и сенаторы. В 2004 году миллиардер Хасан Немази был самым крупным спонсором кампании демократа Джона Керри. Этот финансист входил в руководство многих фондов и НПО, в том числе National Security Network (NSN), основанную ближайшим советником Керри Рэндом Бирсом (ныне – заместитель главы Департамента внутренней безопасности).

Напомним, 14 декабря СМИ сообщили о том, что новым госсекретарем станет Джон Керри – как и предрекал с рекламной настырностью тот самый «объективный» журнал Foreign Policy. А с действующим госсекретарем Хиллари Клинтон в этот день случился обморок в итоге многодневного расстройства желудка (которое сразило ее тоже не в случайный момент, а накануне запланированной поездки на встречу «Друзей Сирии»).

То же самое расстройство помешало Хиллари поучаствовать в закрытых слушаниях по обстоятельствам гибели американского посла в Ливии Криса Стивенса. Как и следовало ожидать, специальная комиссия обвинила в этом провале именно Госдеп. Теперь внешнеполитическое ведомство США ожидает массивная ротация с избавлением от многочисленных протеже Хиллари.

В январе прошлого года один из ее протеже, Филипп Гордон, участвовал в традиционном неформальном мероприятии в Литве, которое именуется «Снежная встреча». Тогда в центре внимания собравшихся были демонстрации на улицах Москвы, которым сулили тот же исход, что и в Египте.

На «Снежной встрече» 10–11 января этого года Филиппа Гордона не было, а главной темой мероприятия была не Россия, несмотря на вышеназванный поход кораблей в Сирию, а внутренние проблемы Европы. Представитель США в НАТО Иво Даалдер, представлявший Госдеп, отказался вмешиваться в спор между эстонцами и литовцами о том, кому из них отвечать за мониторинг воздушного пространства над Прибалтикой. То ли он устал и от тех, или от других, то ли был больше озабочен собственным будущим в контексте грядущей чистки.

«Вашингтон так же пытается приспособиться к хаотическому развитию событий, как и любая небольшая страна, у которой никогда не было инструментов глобального управления», – сетует Федор Лукьянов. Однако элиты небольших стран совсем иначе воспринимают происходящее. «Радость Обамы по случаю победы – это печаль Польши», – заподозрил обозреватель Gazeta Polska Рышард Чарнецкий. «Бывший блок Стран Народной Демократии и постсоветские республики окажутся в еще большем одиночестве, чем прежде».

Нельзя сказать, что Обама в период первого срока совсем не обращал внимания на восточноевропейских «братьев меньших». Летом 2011 года элите стран бывшего соцлагеря

была предложена почетная роль наставников молодой североафриканской оппозиции. Однако самолюбивые восточноевропейцы сочли такое поручение обидным: Лех Валенса, например, просто отказался явиться на саммит, организованный Госдепом, заявив при этом, что движение «Солидарность» обязано своей победой не только Америке, но и Ватикану.

Теперь, когда Хиллари Клинтон, сделавшая было Вильнюс столицей интернет-наступления на Восток, уходит со сцены, польско-литовский авангард экс-соцлагеря теряет свою опорную функцию. «Новая Европа», несомненно, и дальше будет использоваться как противовес «Старой», но с ущербом для себя. Латвию и Литву усиленно заталкивают в еврозону, создавая Берлину дополнительный балласт, а кроме того, в Афганистан – таскать каштаны из огня на территории, уже на бумаге поделенной между «карзаевцами», талибами и «Северным альянсом».

А что касается Ватикана, то его влияние в Польше уже потеснил развеселый водочный магнат Януш Паликот, устраивавший уличные шоу гомосексуалов. «Польша больше не католическая», – приговаривал этот эксцентрик (по совместительству член Трехсторонней комиссии), получив на выборах третье место. Такой же «гороховый шут» Владимир Франц, с ног до головы изрисованный татуировками, загипнотизировал молодежь Чехии. В Риме не успокаиваются обличители кардинальской педофилии, а в парижской нунциатуре громят мебель мигранты. Ватикан, говорите? Вот вам Ватикан с кисточкой.

Рышард Чарнецкий видит особый дурной знак в том, что Америка «предала» грузинский режим Саакашвили. То же самое произошло, между прочим, и с режимом Бэсеску. А по совпадению долю транзита боевой техники из Афганистана по маршруту через Баку, Тбилиси и Констанцу решили сократить до 10 процентов, перераспределив транзит в пользу Иордании и Эмиратов. А Ильхам Алиев оказался «коррупционером года».

Главному редактору журнала «Россия в глобальной политике» прошедший год показался скучным и пассивным и в то же время каким-то «невротичным». Но невроты не возникают просто так. Невроз вокруг «фискального обрыва» послужил очень удобной ширмой для масштабной перетасовки американского (и не только) истеблишмента, где на первые роли вышли совсем другие лица. Сделано это было поэтапно, продуманно и целенаправленно, с первостепенным участием вице-президента Байдена, который оказался «спасителем от обрыва», и которого Christian Science Monitor теперь прочит в номинанты от Демпартии в 2016 году. А два года назад то же издание предрекало эту перспективу Хиллари Клинтон.

«Раньше процессы подчинялись какой-то логике, а модель поведения основывалась на понятных критериях оценки», – разводит руками Федор Лукьянов. На самом деле процессы в американских элитах как раньше, так и сейчас подчиняются железной логике.

Во внутренней политике – это логика клановой борьбы: сегодня ты, а завтра я, ловите миг удачи. А во внешней политике это логика «не моем, так катаньем». Демократизация Ирана через Twitter, предпринятая Госдепом в 2009 году, с треском провалилась. Значит, иранские элиты будут обрабатывать иначе. Как говорил персонаж сказки Шварца, или «ку», или «у». Если не получилось «у» (Ахмадинежада планировалось взорвать во время его визита в Ливан), значит, будут «ку».

И это начинание имеет перспективы. Зря, что ли, офис Ситибанка, где работал новый глава Федерального казначейства Джек Лью, занимает три этажа в здании Alevi Foundation, через который Вашингтон раньше поддерживал деловые связи с шахским режимом, а теперь – с корпорациями иранских аятолл? Зря, что ли, главой Департамента обороны стал Чак Хейгл – единственный республиканец в Сенате, голосовавший против признания проиранской «Хизбаллы» в Ливане террористической организацией?

Иранская пресса уже ликует по поводу номинации Хейгла, усматривая в ней «деизраилизацию». Действительно, правое израильское лобби не в восторге от этой фигуры. Зато левое израильское лобби такое назначение вполне устраивает. И как бы случайно левые израильские

партии создают коалицию, а затюканный экс-премьер Эхуд Ольмерт, вдруг напомнив о себе, обвиняет Нетаниягу в пустых тратах общенародных средств на бессмысленные приготовления к войне с Ираном и столь же бессмысленную пропагандистскую кампанию.

Хейгл, кстати, бывал в Москве. В марте 2009 года, в качестве сопредседателя Независимой консультативной комиссии по политике США в отношении России, совместно с демократом Гэри Хартом – еще одним активным участником кампании Керри 2004 года. Хейгл не то что занимался перезагрузкой: он стоял у ее истоков. А также у истоков политики Обамы в Афганистане. В политике на этом направлении, равно как и на китайском, Иран – важнейшая фигура в игре. Достаточно себе представить, как иранская нефть после незаметной приватизации Иранской государственной нефтяной компании поплывет не на восток, а на запад. И как удобно будет манипулировать ценами на энергоносители, поигрывая, как на струне, на схеме непостроенного Арабского газопровода.

Арабский газопровод – удобная разменная карта (bargain chip) для Ирана, Ирака и Сирии. А играть на нем удобно (как на струне нефтяной трубы Баку-Новороссийск в 1994 году), поскольку он касается не всей Сирии, а одной из ее частей. Другая часть волеется в единый Курдистан. Третья, маленький кусочек на побережье – алавитам, вместе с портом Тартус. Накануне визита Байдена в Москву в феврале 2011 года «Независимая газета» намекала на некую сделку, в которой за Россией оставят этот порт.

Процессы подчиняются логике – просто немного не такой, как раньше. Это не логика наскока и кампанейщины, которая уходит вместе с Клинтон. Чтобы убрать ее команду со сцены, нельзя было обойтись без «у». Убийство посла в Ливии – не столь масштабная акция, как 9/11, но и одним послом просто так не жертвуют.

Новая логика – логика подкупа. Фон Эгерт не зря сменил пластинку: 11 января стало известно, что в Москву едет Том Донилен. Кто это такой по службе? Это советник по национальной безопасности, который, в отличие от Клинтон, выступал против введения контингента НАТО в Ливию. А по дружбе? Его родной брат Майкл, политический консультант, является юридическим советником Джозефа Байдена. А супруга Тома Донилона, Кэтрин Рассел, возглавляет аппарат супруги вице-президента Байдена, Джилл Байден.

В эпоху застоя у нас был популярен анекдот про три драгоценных сигаретницы, которые по очереди раскрывали Никсон, Жискара д'Эстен и Брежнев. На сигаретнице Никсона было написано «От американского народа», Жискара д'Эстена – «От французских женщин», а на самом увесистом и инкрустированном аксессуаре Леонида Ильича различалась надпись «Графу Орлову от графа Шереметева». Таким же способом вынутые из сундука и из политического контекста афоризмы Российской империи берутся спичрайтерами на вооружение современной пропаганды. Например, фраза не самого powerful главы МИД Горчакова – «Россия сосредотачивается».

Сосредотачивается как раз Америка. А Россию и Иран будут пытаться купить. Снимите с ушей лапшу. Не путайте объективную оценку с лестью. Делите на шестнадцать бравые команды с крейсеров. И следите за руками.

15.01.2013

Большой французский чейндж

Поиски «черного золота» в темной комнате

Есть желающие повоевать в Африке? Говорят, дело стоит свеч. Газета «Ведомости», ссылаясь на эксперта из французского банка Societe Generale, не просто предполагает, а ставит в заголовок гипотезу: «Алжирский кризис может сыграть на руку „Газпрому“». В самом деле, террористы захватили несколько автобусов с работниками консорциума BP-Statoil-Sonatrach, ехавших на работу на газодобывающий объект Ин-Аменас. Значит, все дело в углеводородах! И Россия могла бы на этом сыграть, поскольку «Газпром» лишается очередного конкурента по поставке газа в Европу!

Фантазии Павла Чувиляева из «МК» простираются еще дальше. Исламисты, пишет он, хотят власти, чтобы управлять, для чего и выбирают BP в качестве мишени: им (террористам) бы хотелось, чтобы геологоразведку в Алжире проводили не англичане, а, например, компании из Саудовской Аравии.

Вообще-то эпицентр конфликта – не в Алжире, а в Мали. Тут Чувиляев вынужден признать, что в этой стране нефть не добывают. Однако продвинутые исламисты, по его версии, догадались, что под труднопроходимыми тропическими лесами на севере страны таится не только обычный газ, а еще и сланцевый! «Конфликт Африке грозит затяжной, и он вполне может вылиться в серию революций «арабской весны—2». Причем на сей раз Россия может выиграть. Хотя бы как нейтральная страна, способствующая миру. А там, глядишь, и от запасов перепадет», – предвкусывает автор.

То же издание интервьюирует анонимного полковника спецназа МВД со стажем работы на Кавказе. Ситуация с захватом заложников на Ин-Аменас напоминает ему эпизод в Буденновске. Он только до сих пор раздумывает, как же это так дал маху министр обороны Грачев: «Мы предлагали командованию решить вопрос путем уничтожения четверых лидеров террористов, в том числе Шамиля Басаева, но операцию не одобрили».

Первую чеченскую войну и наши, и отечественные эксперты тоже хором объясняли борьбой за нефть. И все будто бы действительно одно к одному: сепаратистская война идет в Мали, а заложников берут на газовом месторождении в соседнем Алжире. Точно так же Буденновск находится не в Чечне, а в Краснодарском крае – зато ровно на трассе нефтепровода Баку-Новороссийск. С которым конкурировал нефтепровод Баку-Супса. Точнее сказать, конкуренция была искусственная: англо-американскому консорциуму АЮС в Баку нравился попеременно то один маршрут, то другой, и за каждым многообещающим заявлением следовали прицельные теракты.

«Арабскую весну» теоретики «ресурсных войн» также хором объясняли войной за углеводородные ресурсы. В случае с нефтеносными Ливией и Сирией это подразумевалось само собой. Сложнее было пристегнуть к этому обобщению Тунис с Египтом, и еще сложнее – самую первую из так называемых твиттер-революций, случившуюся в Молдавии. Но если долбить в одну точку, что-нибудь получится, например: Египет был нужен, чтобы раскатать Ливию, Ливия – чтобы раскатать Сирию, а там – проект Арабского газопровода, в котором заинтересованы Иран и Ирак. А Молдавия с Киргизией – просто так, для эксперимента.

Под теорию ресурсной войны подверстывался и Афганистан: коль скоро через его территорию американцы собирались проложить газопровод ТАРП, то вот, типа, и повод для исламских волнений. Но странные все-таки персонажи эти исламисты. Им создают источник газо-

транзитной прибыли, а они устраивают зачем-то 11 сентября, и никакого трансфганского газопровода как не было, так и нет.

Чеченские сепаратисты тоже в Буденновске, получается, действовали ровно поперек собственных интересов. А если в интересах трубы Баку-Супса, то что Европа получила с этого гуся? Едва из грузинской Супсы пошли танкеры через Черное море и вверх по Дунаю, как началась бомбежка Белграда с прицельной бомбардировкой мостов. Правда, в итоге была сооружена труба Баку-Джейхан – к великому разочарованию Украины, которая рассчитывала на диверсификацию энергоносителей через Одессу.

Приближают ли освоение углеводородов, равно как и прокладку трубопроводных трасс, все многочисленные суррогатные войны – хоть на Кавказе, хоть в Африке? Можно спросить иначе – какой интерес корпорациям, заинтересованным в прибыли, работать в беспокойном регионе, где риски не поддаются измерению? Может быть, лучше сразу податься в Арктику, где не водятся исламисты? Корпорация BP так в итоге и сделала – вот только не успела выбраться из Алжира. В связи с чем иностранный секретарь Хейг признал: «Надо готовиться к худшему». После захвата заложников в доселе спокойном Алжире ему, наверное, тоже припомнилась каспийская головная боль.

Но перед нашими добытчиками, которые уже успели дважды потратиться на месторождение «Элефант» на шельфе Ливии, оптимистичные эксперты рисуют завлекательные перспективы: чего нам стоит порубить малайские тропические леса, где исламисты сквозь землю углади сланцевый газ?

Прежде чем поддаваться на этот соблазн, хотелось бы задать всего лишь три вопроса теоретикам ресурсных войн. Первый: если главным стимулом для чеченских сепаратистов была действительно нефть, зачем Шамилю Басаеву было устраивать укрепленный гарнизон в горном поселке Ведено близ азербайджанской границы? Второй: если «арабская весна» 2011 года вертелась вокруг нефти, почему самые ожесточенные бои в Ливии шли за контейнерные порты? И наконец, третий: является ли углеводородный рынок самым прибыльным рынком в современной экономике – если, конечно, не закрывать глазки, строя из себя невинность, и рассматривать публичную экономику без отрыва от непубличной?

Горный поселок Ведено был совсем не приспособлен для строительства нефтеперерабатывающего завода (refinery). Но нельзя сказать, чтобы в этом месте ничего не перерабатывалось. «Федералы», как презрительно именовали наших военных топ-медиа-комментаторы и правозащитники, нашли там весьма продвинутый, можно сказать, инновационный комплекс по обогащению (refining) афганского героина.

В правительстве непризнанной, но неподконтрольной (и поэтому райски удобно для контрабанды) республики Ичкерия Шамиль Басаев занимал должность не министра нефти, а главы таможенной службы. В северном Мали должности еще не распределили, но также можно заметить – если читать западную прессу внимательно, – что предводитель группы, захватившей заложников в Ин-Аменасе, имел репутацию поставщика контрабандных сигарет, а вовсе не промоутера нефтяных интересов.

Если уважаемая газета «МК» хочет провести параллель между Северной Африкой и Российской Федерацией (1995 года) до конца – что ж, извольте.

«Шамиль Басаев! Шамиль Басаев!» – взывал, помнится, в телеэкране Виктор Черномырдин с мобильником в руках. Казалось, что он мучительно выбирает, как лучше обращаться к влиятельному в некоторых местах лицу – по имени или по фамилии. А что было потом, все помнят?

Потом был фактический раскол правящей партии «Наш дом Россия» с логотипом в виде крыши. Потом – слухи о тяжком нездоровье Бориса Ельцина, возникновение в Москве и Петербурге комитетов в поддержку Виктора Черномырдина на президентскую должность, поход Людмилы Борисовны Нарусовой в кабинет Ельцина с тем же месседжем, притворная

агония Бориса Николаевича, и, наконец, губернаторские выборы в Санкт-Петербурге, где по всем раскладам должен был победить Собчак, но случается что-то странное. В автомашине влиятельного депутата на Дунайском проспекте, у дома номер семь, был задержан, к своему великому изумлению, прописанный в этом доме самый влиятельный и совершенно неуловимый теневой авторитет бывшего СССР по имени Аслан Рашидович Усоян. Следующая картинка: режиссер Шадхан ведет теледебаты, а действующий мэр не в состоянии связать двух слов. После чего проигрывает.

Сегодня о неуловимом Аслане Рашидовиче плачет не только братва, но и все мировое езидское сообщество. Покойный был фигурой транснационального масштаба. Как и шейх Омар Абдул Рахман, которого в обмен на освобождение заложников потребовал освободить из американской тюрьмы малийский Шамиль Басаев по кличке Мохтар Бенмохтар. Шейх Омар тоже очень долго был неуловимым: и когда учредил в Египте партию «Исламский джихад», и когда близкие к ней офицеры убили Анвара Садата, и когда готовилось покушение на его премьера Мубарака. И само собой, когда в Афганистане вооружались моджахеды против СССР. В ту пору президент Джимми Картер близко дружил с основателем банка ВССИ пакистанцем Агахасаном Абеди. Потом у нас началась перестройка, с милосердием и покаянием, войска из Афганистана вышли, а мавр, сделавший свое дело, стал не нужен – и правдолюбец Джон Керри занялся расследованием злоупотреблений банка ВССИ. От чего пострадал, впрочем, не Джимми Картер, а президент Панамы Мануэль Норьега, посягнувший на слишком большую долю на наркорынке.

В феврале 2011 года ФСКН РФ очень возмутилась заявлением, которое сделала на весь мир частная организация Global Commission on Drug Policy (GCDP): ее ноу-хау состоял в том, что хранение наркотиков не должно быть предметом уголовного преследования – как и употребление, если оно не нарушает права других граждан. Зато Джимми Картеру инициатива понравилась. В основанной им международной группе влиятельных миротворцев под названием Elders (Старейшины) состоит некий Лахдар Брахими – бывший заместитель главы МИД Алжира, а ныне куратор сирийского урегулирования в ООН. Ранее куратором был Кофи Аннан – отпрыск олигархического семейства из государства Гана, экс-генсек ООН и также член группы Elders. Любопытно, что GCDP и Elders пересекаются не только по спонсорам, но и частично по составу.

Углеводородный истэблшмент играл первую скрипку в мире ровно столько времени, пока углеводороды были самым прибыльным товаром. С 60-х годов XX века наступили другие времена, когда проекты их добычи и транспортировки на поверку оказываются пропагандистскими манипуляциями, создающими «горячие точки» – где спрос совсем другой.

Вольному воля заниматься пропагандой, а адресной аудитории – ловиться на соблазн. Но за соблазны энергетической выгоды, которые распространяют в том числе и популярные конспирологи, расплачиваются живые люди – русские, украинцы, чеченцы, сирийцы, малийцы. «Газпром» думал было присоединиться к трансафганскому проекту ТАРІ, но раздумал. Возможно, в том числе из-за нежелания подставлять головы своего персонала под пули неуловимых полевых командиров, работающих на несравнимо более прибыльном рынке. Дай Бог, хватит ума не лезть и в малийские тропические леса.

Кто не успел, тот опоздал

Нефтецентрик Павел Чувиляев из «МК» сделал еще одно открытие: «Обе страны (Алжир и Мали) являются бывшими французскими колониями. А колоний, как и чекистов (sic), бывших не бывает. Влияние Франции в той и другой стране весьма сильно, а в Мали, как видим, дошло до открытого участия в конфликте французских войск. Если «арабская весна» 2010 года затронула страны, ранее бывшие английскими колониями (и чуть позже Ливию – бывшую

колонию Италии), то теперь волнения все шире охватывают ареал французского влияния в Африке. Случайностей в таких вещах не бывает; это тренд, который нуждается в объяснении».

На самом деле «арабская весна»: а) политически затронула не только англоязычные страны (к ним не относятся ни Тунис, ни Марокко), б) датируется не 2010-м, а 2011-м годом, в) совпадает по времени с активизацией террора во многих африканских странах. В Сомали число жертв междоусобицы лета 2011 года на два порядка превышало число убитых в Сирии. Если об этом не рассказывали в телеэфире Евгений Сатановский и Сергей Пашков, это не значит, что этого не было.

Тенденция, связанная с Францией, действительно существует, но этим Париж обязан не сам себе, а Соединенным Штатам. И эта тенденция состоит не в том, что французам кто-то строит гадости (здесь г-н Чувиляев умудряется в пяти абзацах вступить в противоречие с самим собой: напали ведь в Алжире на английскую компанию, не так ли?) Напротив, Франция возвращается туда, откуда ушла: ее войска присутствуют и в Мали, и в Мавритании, и в Сомали, и даже в Центрально-Африканской республике. Главная же смена тренда состоит в том, что именно Франции досталась в руки ключевая функция по политическому формированию «нового Афганистана». На встречу в Шантильи французским спецслужбам 20–21 декабря удалось «вытащить» весь реальный афганский спектр – не только «Талибан», но и партию Хекматиара, и хазарейцев, и наследников Северного Альянса. До сих пор такого не удавалось никому. И это обидно как Лондону, так и Берлину, натаскавшим американцам немало каштанов из афганского огня.

А накануне новый французский президент Франсуа Олланд посетил Эр-Рияд. После чего ближневосточный обозреватель *Le Figaro* Жорж Мальбрюно написал следующее: «С приходом Олланда Франция уделит в своей ближневосточной политике чуть больше места Саудовской Аравии и чуть меньше – Катару. Появление Олланда в Джидде наглядно свидетельствует о переменах в курсе. Ранее «катаризация» внешней политики Франции на Ближнем Востоке вызвала раздражение в Саудовской Аравии, которая до сих пор поглядывает свысока на кипучую активность крошечного соседа».

Мальбрюно выразился весьма деликатно. Саудовская монархия не просто ревновала к «крошечному соседу», на территории которого находится самая крупная в регионе база американских ВВС, а также «Город образования» с филиалами самых престижных американских университетов. И не просто завидовала прибылям Катара на «арабской весне», с приростом ВВП за революционный 2011 год втрое большим, чем аравийский. Для Саудовской Аравии как сам Катар, так и его телеканал «Аль-Джазира», на котором вещает шейх Юсуф аль-Кардави – прямая идеологическая угроза. Поскольку египетские «Братья-Мусульмане» и их дочерние структуры, получившие карт-бланш одновременно в Тунисе, Марокко и Йемене, относятся к принципиально иному направлению в исламе – с позиции ваххабизма, еретической. Учение ихванов («братьев») восходит к арабскому рационализму – аналогу европейского Просвещения, в связи с чем непредвзятые исследователи именуют «Братьев» ни в коем случае не фундаменталистским, а «возрожденческим» (revivalist) направлением. Но при этом, в том числе усилиями аль-Кардави, они намеренно присваивают себе определение «салафитов», что является в глазах саудитов наглейшей подменой понятий.

Мало того, в феврале 2011 года, когда Катар стал опорой США в регионе, интернет-революционеры завелись и в Саудовской Аравии, в связи с чем король даже всерьез пытался купить Facebook у Цукерберга. А в конце того же года на выборах в Египте на втором месте после фаворита, то есть «Братьев», оказались просаудовские салафиты. Эр-Рияд не жалел средств для сокращения рисков и для продвижения в Египте собственного влияния.

Между тем Катар не только безукоризненно исполнил роль американского сатрапа в ливийскую кампанию, но и тратил собственные деньги на кредитование Египта, и взял под крыло палестинскую партию ХАМАС, по существу перекупив ее руководство у Ирана. «Кро-

печный сосед» узурпировал не только палестинское урегулирование, при этом заявляя прямым текстом, что Арабская (сиречь саудовская) инициатива, дескать, устарела, но и ближневосточную штаб-квартиру афганского «Талибана», и центр координации сирийской оппозиции. А впридачу позиционировался как главный поставщик углеводородов (СПГ) в Европу.

«Арабская весна» в 2011 году готовилась и в Алжире: здесь было совершено больше протестных («шахидских») самосожжений, чем в Тунисе и Египте вместе взятых. Парижу с трудом удалось отстоять контроль над своей бывшей территорией: отчасти поэтому Саркози и согласился на исключительную военную роль в ливийской кампании. При этом Париж все равно больше потерял, чем получил: проект Средиземноморского союза, который вынашивался Саркози, был замещен конкурирующим геополитическим турецким проектом. Не зря же все партии «Братьев-Мусульман» в регионе носил названия, точно или приблизительно воспроизводящие имя правящей партии Турции.

О том, что этот турецко-катарский триумф был временным, можно было догадаться, вскоре после прихода к власти Олланда. Именно тогда из Дамаска в Париж отправился бригадный генерал Манаф Тласс – выходец из влиятельного семейства, имеющего репутацию воротил на рынках оружия и наркотиков (его отец Мустафа был министром обороны, а не нефти, что и было поводом для дружбы одновременно с французами и с нашим министром Грачевым). По пути Манаф заехал в Эр-Рияд, побеседовать с принцем Бандаром бен Султаном. Этот принц как раз вышел из опалы старших членов семьи и сразу же получил должность главы внешней разведки. А еще через несколько дней его пытались взорвать. Неисправимый романтик Тьерри Мейссан приписал этот теракт сирийским спецслужбам. На самом деле возвышение принца был крайне болезненным ударом не столько для Дамаска, сколько для Дохи. Поскольку с этих пор катарская и франко-саудовская линии в сирийском «урегулировании» окончательно разошлись. А выбор был сделан Вашингтоном.

В Эр-Рияд Олланд прибыл буквально в день американских выборов. Столь же осведомлен об изменении курса – не французского, а американского – был Дэвид Кэмерон, опередивший его на пару дней. Пока конъюнктура не успела измениться, он заключил внушительный контракт по поставке Саудовской Аравии истребителей Eurofighter Typhoon. Церемония сопровождалась вдохновенной речью об иранской угрозе, нависшей над Хашимитским королевством. В лексиконе отечественных VIP это называется «впарить».

Кэмерон подсуетился вовремя. Президент Совета по международным отношениям Ричард Хаасс опубликовал целеуказующую статью об американо-иранской дружбе уже 11 ноября. Месяц спустя окончательно определились номинанты на посты глав Госдепа и Пентагона – Джон Керри и Чак Хейгл, откровенные лоббисты американо-иранского стратегического альянса. А следом за ними из трех кандидатур на пост главы ЦРУ был избран именно экс-глава разведывательного офиса в Эр-Рияде Джон Бреннан.

Михаил Маргелов, несостоявшийся демократизатор российского МИД и агитатор за разрыв с Россией с Ираном, заволновался только в середине января. На днях он заявил, что незачем, дескать, западным странам вмешиваться в события в Мали: пусть африканцы сами решают. О возвращении Франции в Магриб его не предупредили.

Заместителя главы МИД Сергея Рябкова осенило чуть раньше – в середине декабря. Он догадался, что Вашингтон не придуривается, а в самом деле решил сделать ставку не на столкновение суннитов с шиитами лоб в лоб, а на флирт и с Тегераном, и с Эр-Риядом. А значит, и нам надо флиртануть, решил Рябков к шапочному разбору. «И я, и я, и я того же мнения», – говорил герой мультфильма с большими хлопающими ушами.

Между тем догадаться о грядущей смене вектора можно было и без подсказок, а просто при внимательном чтении журнала Foreign Policy. В нем друг Байдена и Керри, Лесли Гелб, трижды выступал с проиранскими статьями.

Эксперты канала РБК-ТВ 17 января заметили – лучше поздно, чем никогда: «Считалось, что в Европу после „арабской весны“ хлынет катарский сжиженный газ, а он не хлынул». К этому можно добавить, что экспансия катарского СПГ была остановлена явочным порядком при почти детективных обстоятельствах.

В конце ноября на Украине должны были запустить строительство терминала сжиженного природного газа. Поставщиком должна была быть компания Qatargas, а подрядчиками строительства – испанцы, американцы и местный олигарх Дмитрий Фирташ. Однако в день церемонии выяснилась удивительная вещь: оказывается, контракт с испанской стороны подписывало не уполномоченное лицо, а некий авантюрист, по основной профессии – инструктор по ходьбе на лыжах. Терминал был предназначен для диверсификации поставок газа в Европу, иными словами – для снижения его цены. Украинские нефтяные эксперты в один голос вопили: это все русские и их агент Медведчук! И вот второй парадокс: ни Вашингтон, ни Совет Европы не подвергли ни Москву, ни ее киевских агентов никаким санкциям, и более того, пальцем не пошевелили ради катарских друзей и партнеров. Как и ради второго потенциального поставщика – Азербайджана. К слову, будущий госсекретарь Джон Керри имеет репутацию армянского лоббиста.

В чем провинился Катар

Российский МИД оказался бы более готов к сдвигу американских стратегических приоритетов (который ему важен хотя бы в связи с афганской проблемой), если бы его интеллектуальным партнером была хоть какая-то еще исследовательская организация, помимо Института Ближнего Востока Е. Я. Сатановского. Для учреждения, возглавляемого экс-председателем Российского еврейского конгресса, все исламские кошки серы: что «Братья-мусульмане», что ваххабиты, что саудиты, что Катар, что ХАМАС, что ФАТХ – одна и также «Аль-каида», а общий вывод также не блещет вариациями: Москве в регионе надо заниматься исключительно спасением тонущего Израиля.

В итоге получается как в сказке про мальчика, который слишком регулярно вопил «волки, волки». Судя по той энергии, с которой Барак Обама продвигает на пост министра обороны Чака Хейгла, известного своими репликами по поводу еврейского лобби, обновленная демократическая администрация действительно меньше будет прислушиваться к стенаниям из Иерусалима, чем ее состав периода первого срока Обамы.

Обама действует по принципу «все хорошо в меру». Израиль уже получил для обороны от «Братьев-мусульман» и Тегерана одновременно внушительные объемы средств и вооружений. Новый подход будет более экономным. В Иерусалиме еще будут с ностальгией вспоминать о тех временах, когда в Египте президентом избрали инженера Мохаммеда Мурси, который учился в США и работал в NASA.

Кстати, в том же NASA и в те же годы трудились ливиец Мустафа Абушакур и малиец Модибо Дьярра. Первого в сентябре прошлого года избрали премьером Ливии при поддержке местных «Братьев-мусульман» – и наперекор французам, делавшим ставку на основателя Переходного национального совета Мохаммеда Джибрила. На фоне скандала вокруг гибели американского посла Абдушакуру не дали сформировать правительство, и на его место был продавлен ставленник Джибрила Али Зейдан.

Карьера Модибо Дьярры в Мали закончилась так же быстро и бесславно. В апреле 2012 года астрофизик Дьярра был приглашен на пост премьера временным президентом Диокунде Траоре, а уже в начале декабря его явочным порядком выкинули вон, сменив на бывшего начальника тюремного ведомства Жанго Сиссоко, который в авиакосмосе не силен, зато после тюремной должности (при Мусе Траоре, которого принято считать диктатором) занимал

кресла в МВФ и Всемирном банке. Карьера Дьярры закончилась почти в тот же день, когда окончательно определилась кандидатура Керри на пост главы Госдепа США.

В том, что высокие посты в африканских странах доверяют теперь менее образованным, но зато послушным винтикам, нет ничего удивительного. В Эр-Рияде нет столь продвинутого научного центра, как Дохийский город образования, а Париж всегда был склонен делать ставку на удобных негодяев в своих колониях.

Портал «Аль-Джазира» сочувственно цитирует светских сепаратистов из Национального движения за освобождение Азавада (НДОА). Этих сепаратистов можно сравнить с умеренной группой «самоопределенцев» Саламбека Хаджиева в ЧИАССР периода 1990 года. Уже в конце 2011 года они захватили фактический контроль над северным Мали, а в марте в столице Бамако был свергнут президент Амаду Аmani Туре – в итоге традиционной для «арабской весны» антикоррупционной кампании. Сразу же после этого Париж и Экономическое объединение Западной Африки (ECOWAS) прекратили помощь Мали. На фоне голода первую скрипку начали играть радикальные исламисты из так называемой «Аль-Каиды Магриба» (AQIM). Об этой структуре, которую и представляет Мохтар Бенмохтар, в трудах Института Ближнего Востока написано много. Для объективности упомянуто и о том, что под давлением и угрозами AQIM, а также группы «Ансар Дине» и мавританского Движения за единство и джихад первоначальные (поддерживаемые Катаром) сепаратисты раскололись: часть примкнула к «исламистам», а часть, как ни странно, выразила лояльность временной центральной власти. То есть произошло то же самое, что в Чечне в ноябре 1991 года.

Французские эксперты, в отличие от Сатановского и Ко, признают, что часть сепаратистов «рассчитывала на поддержку Катара». Именно на них, то есть на НДОА, и обрушится военный удар под предлогом борьбы с «Аль-Каидой», рассказывали малийские источники «Аль-Джазире».

Провинциальные представители НДОА, ожидавшие удара французов, рассказали и другие интересные вещи. По их словам, президент-коррупционер Амаду Аmani Туре был «в деле» с наркобаронами, перевозящими кокаин через Африку в Европу, и именно «обслуживающая команда» этих наркобаронов выступает под флагом «Аль-Джазире в Магрибе», хотя ее недавно именовали себя «Салафитской группой за молитву и борьбу». Среди этих оборотней немалую часть занимают алжирцы с опытом муджахедской деятельности в Афганистане, а поддержку они получают от алжирской разведки DRS, рассказывали светские борцы за азавадский суверенитет.

Нельзя сказать, что эта версия сильно расходится с оценкой экс-главы Антнаркотического комитета ООН Антонио Марио дель Косты. Да и Пьер Жакмо – эксперт из того самого института, который устраивал мероприятие в Шантильи – признавал: «Регион на севере Мали, независимости которого добиваются туареги, не просто «колыбель» их народа. Уже долгое время эта территория играет важную роль в незаконной торговле оружием, автомобилями, сигаретами, а также заложниками. Кроме того, несколько лет назад через него также пошла перевозка кокаина из Латинской Америки. Таким образом, за всеми заявлениями туарегов и исламистов не стоит упускать из вида и значительные финансовые интересы».

Французский эксперт не валит в одну кучу, а разделяет туарегских светских сепаратистов, которым досталось оружие со складов Каддафи, от так называемых исламистов (Франс-Пресс даже употребляет термин *Al Qaeda franchise*— то есть позаимствованный брэнд), которым удивительно легко достался огромный склад оружия и боеприпасов в городе Гао, после чего они и перехватили контроль над ключевыми городами у НДОА в конце июня прошлого года, после французских выборов.

Государство Мали с XV века было составной частью трансафриканского торгового пути, сопоставимого с «великим шелковым путем» в Евразии. Этот маршрут в обход Гибралтара пролегал через Гану (отчего там и образовалась родовая знать вроде семейства Аннанов), Мали

и Сонгайскую империю, просуществовавшую до 1591 года. Тогда по тракту возили золото, соль, специи и разумеется, рабов. Теперь у «золотого» пути через пески и тропические леса та же специализация, что у южноазиатского «Золотого треугольника». После крушения набитого наркотиками самолета «Боинг» над Мали в 2009 году стало очевидно, что помимо сухопутного коридора, путь из Ганы через Мали в Алжир имеет и воздушный коридор. В свою очередь, на американском портале *Maur Next Door* (Мавр по соседству) упоминалось и о смыкающемся с этим путем воздушном коридоре Мавритания-Нигер-Вазиристан- только, соответственно, опиумном.

Клопы на диванах не отдыхают, а работают. Франция с вышестоящего разрешения, в обмен на содействие по Афганистану – большой чейндж – получает контроль над контрабандными путями в Северной Африке. Не только наркотическими – из ЦАР, например, везут алмазы. Половина добытых там алмазов, согласно английской Wikipedia, уходит на черный рынок. Основные места столкновений между президентскими и оппозиционными силами совпадают с местами добычи. Исполнители приказов французского командования считают, что борются с «Аль-Каидой», а неуловимые исламисты добрались уже до юга страны. Когда они доберутся до столицы, к ним приедет бравый французский генерал а-ля Александр Лебедь. «Светских сепаратистов» в его присутствии развесят на столбах, но мировая пресса этого не заметит: она будет писать о Pussy Riot и «ужасах белорусского режима».

Нельзя сказать, однако, что работа отечественных экспертных клопиков пошла совсем уж зазря. Алармистские стенания вокруг повсеместных «аль-каид», якобы самостоятельных и никому не подконтрольных, сыграл свою роль в дополнительном вооружении Израиля. То, что при этом от влияния РФ на Ближнем Востоке остались крошки с американо-франко-саудовского барского стола, следует считать адекватным поощрением за аутсорсинг внешней политики.

А Катар провинился тем, что захотел слишком большую долю влияния на самых прибыльных теневых рынках. В таких случаях инициатива наказуема. Вот и об Аслане Усояне писали, что он «готовится к триумфальному возвращению». Однако воровская оппозиция, собравшаяся в Дубае 10 декабря, решила иначе. И к тому есть резон: именно ОАЭ и Иордании обновленная демократическая администрация США доверяет крупнейшую долю транзита личного состава и боевой техники из «примиряющегося» Афганистана. А имя нового короля постсоветского теневого мира должен знать Борис Иванишвили, поставленный обновлять Грузию и уже приступивший к неотъемлемому пункту этого плана – освобождению воров в законе.

21.01.2013

Управляемый иудейский хаос

Круговорот «равноудаления»

Выборы в кнессет Израиля 19-го созыва освещались на российских телеканалах удивительно бесстрастно. То ли госканал «Россия» сообразил, что алармистский надрыв Сергея Пашкова, начинавшего карьеру на НТВ Гусинского, слегка поднадоел аудитории, то ли отечественная дипломатия призадумалась над итогами внешней политики на Ближнем Востоке. А конкретно над тем, много ли Россия выиграла от двадцатилетних стараний по созданию собственного лобби в Израиле, что ассоциировалось с множеством чудес – от победы над террором до создания отечественной Силиконовой долины.

Ожидания чудес были унаследованы от ельцинской элиты, в манере революционного авангарда переосмыслявшей в одной фляконе внутренние и внешние приоритеты. Если пролетарий в киноискусстве 1990-х опустил на четвереньки («Собачье сердце»), то одесский бандит Бенья Крик, напротив, стал символом несправедливо поправленного класса. В свою очередь, во внешней политике отказ от советского прошлого как бы сам собой означал, что на Ближнем Востоке России приличествует дружить не с отсталыми арабскими диктатурами, а с продвинутой израильской парламентской демократией.

Наши капиталистические партнеры между тем благополучно продолжали дружить и с монархами Залива, и с Израилем, правомерно не идеализируя ни одну из сторон. Правомерно – потому, что израильская демократия ничем не отличается от европейских, как по клановому бэкграунду формирования правительств и соответствующему стилю перманентных дрызг и разоблачений, так и по прямой зависимости этих пертурбаций от элитных сдвигов в Вашингтоне. Но в отечественном медиа-мэйнстриме этих банальностей не видели в упор: выборы в кнессет 14-го созыва на ОРТ и НТВ периода семибанкирщины (1996) подавались так, будто в этот момент на клочке средиземноморского побережья решались судьбы всей земной цивилизации.

Вышеназванные упования на чудеса переплелись с еще одним трудноизлечимым догматом – о том, что экспорт энергоносителей сам по себе генерирует внешнее политическое влияние. В итоге в России, а также на энерготранзитной Украине, сложился невиданный для Запада феномен – пирамидальное устройство сырьевой элиты, еврейских общественных организаций и иудейских религиозных общин. Этот феномен противоречил и старой традиции иудейского духовенства, не имеющего иерархической структуры, и новой традиции самого государства Израиль, где правительства начиная с 1992 года меняются как перчатки без участия религиозных союзов, которых в этой маленькой стране не меньше, чем партий. Зато он вполне соответствовал мегаломаническому мышлению новых владельцев российских ресурсов, считавших необходимым обзавестись общественными титулами – сулившими, в их представлении, универсальные индульгенции и на отечественной, и на мировой арене. Это искаженное восприятие мира подкреплялось сонмом наемных экспертов, юристов и публицистов с навыком избирательного применения термина «антифашизм».

Поэтому первый опыт ротации (так называемого равноудаления) олигархов, давно ставшей обычным делом как в США, так и в Израиле, в нашей стране вызвало шок. Когда Владимир Гусинский, учредитель холдинга «Медиа-Мост» и президент Российского еврейского конгресса, был отлучен от системы массовой пропаганды, а его заимствования у «Газпрома» были вслух названы долгом, еженедельник «Московские новости», оставив лирику, начал растолковывать Кремлю «на пальцах» его внешнеполитическую незаменимость. А конкретно эксперт

Андрей Сотник пояснял: если отобрать у Гусинского телеканал НТВ, то «Газпром» потеряет шансы продлить газопровод «Голубой поток» от Турции до Израиля, и мало того, при этом Москва рискует поссориться с авторитетными израильскими семействами Нимроди и Данкнер.

Гром и молнии на Кремль, однако, не обрушились. Глава «Медиа-Моста» оказался вовсе не эксклюзивным посредником. Кремль при содействии экс-премьера Евгения Примакова установил более прямые контакты с правой израильской коалицией Ариэля Шарона, в которую входила ориентированная на русскоязычных партия «Наш дом Израиль» Авиغدора Либермана. По той же линии нашел себе новых партнеров и «Газпром».

Между тем у Гусинского и его партнеров возникли проблемы и в вынужденной эмиграции: в Земле обетованной им инкриминировали незаконные финансовые транзакции через банк «Хапоалим», а затем – незаконное приобретение элитных коттеджей в испанской Марбелье. Всеми этими неприятностями Гусинский расплачивался за свою попытку обойти американца Рона Лаудера в борьбе за пост президента Всемирного еврейского конгресса.

Другие ветры из того же Вашингтона вполне оправдали опалу Михаила Ходорковского, концептуально обоснованную Станиславом Белковским и Иосифом Дискиным. В итоге Российский еврейский конгресс, руководство которого перешло после отъезда Гусинского к Леониду Невзлину, вновь остался «без головы». Что, впрочем, только посодействовало общественной карьере экспортера удобрений Вячеслава Кантора.

Как Лаудер, ставший при Лужкове крупным отельером в Москве, так и Кантор симпатизировали в Израиле правым, а не левым. Шестидесятники увидели в этом особый знак. В «Московских новостях», в рубрике «В мире – В стране – Во мне», появилась весьма ядовитая заметка за подписью тогдашнего заведомо Института Европы Аркадия Мошеса. Автор, социал-демократ по убеждениям, изобличил российских чекистов как класс в особой симпатии к правым, сиречь милитаристским силам в Израиле на почве профессиональной зависти по всем статьям – от оснащенности техникой до бесцеремонности с арабами и правозащитниками.

Рубрика «В мире – В стране – Во мне» была ликвидирована в 2003 году новым владельцем «Московских новостей» Аркадием Гайдамаком. Диамантер с французским и ангольским гражданствами, накануне успешно решивший проблему внешней задолженности банка «Российский кредит» Бориса Иванишвили, не только деполитизировал газету, но на короткое время сделал ее трибуной Глобального фонда за демократию, которым тогда руководил бывший украинский цеховик, а затем президент Всеукраинского еврейского конгресса Вадим Рабинович. Фонд ни много ни мало рассчитывал заменить собою ООН – что вполне соответствовало ходу мыслей американских неоконсерваторов.

Год спустя Гайдамак утратил всякий интерес к «Московским новостям» и отправился в Израиль создавать собственную партию. Там, однако, его порывы споткнулись об очередной транснациональный уголовный процесс по старым ангольским алмазно-оружейным делам.

Уголовное преследование в Израиле коснулось и вышеназванных финансовых семейств – Нимроди и Данкнеров. А в Кремле все международные неприятности владельцев и партнеров «Моста», «Менатеп» и «Роскредита» удивительным образом предвидели еще в момент ареста Гусинского. Ровно в этот день главным раввином России был объявлен малоизвестный в ту пору духовный покровитель московской хасидской общины в Марьиной Роще Берл Лазар. И как бы автоматически хасидская Федерация еврейских общин России (ФЕОР) во главе с диамантером Львом Леваевым стала «главнее» Конфедерации еврейских общин России (КЕРООР), объединяющей преимущественно ортодоксальных иудеев.

Внутриполитическое объяснение этого подарка хасидам – точнее, движению ХАБАД, объединяющему только любавичских хасидов – казалось чрезвычайно простым: в числе прихожан Марьиной Рощи фигурировал Роман Абрамович. Иными словами, в выборе Кремля

усматривалась логика предпочтения лояльных нелояльным. В самом деле, ни Леваев, ни Абрамович не развязывали кампании в поддержку чеченских «повстанцев», как НТВ Гусинского, не предлагали (одновременно со скупкой целых фракций Госдумы) изменить политическую систему России, как Ходорковский, и не поднимали руку на ООН, как соратники Гайдамака из украинских и казахских теневых кругов, почему-то нашедших покровительство со стороны одновременно Альберта Гора и Руди Джулиани.

Впрочем, нельзя сказать, что лояльность предпочтенной стороны была совершенно бескорыстной. Именно любавичские хасиды предъявляли Советскому Союзу имущественные претензии, и в октябре 1990 года Михаил Горбачев был готов их выполнить. С другой стороны, нельзя сказать, что Михаил Сергеевич, к тому времени ставший пантеистом и мечтавший о храме всех религий, также руководствовался исключительно соображениями милосердия и покаяния. Крупномасштабные кредиты агонизирующему СССР, бюджет которого был разбазарен горбачевским же законодательством о кооперативах вкупе с приумножением льгот, ожидалась тогда лишь из двух источников – Великобритании (на государственном уровне) и Израиля (на уровне международного теневика Шауля Айзенберга как частного лица).

Предмет спора – библиотека раввинов Шнеерсонов – как тогда предлагалось, должен была стать основой международного культурного центра в Любавичах, то есть на Украине. Биография последнего раввина династии была связана прежде всего с Украиной – с Николаевом и Днепропетровском. Вполне закономерно, что в постсоветские годы деятельность ХАБАД развернулась прежде всего на Украине, а днепропетровский рабби Шмуэль Каминецкий, уроженец США, превзошел по влиянию всех прочих иудейских учителей, ортодоксальных и прочих. Во-первых, потому, что Украина во всем гротескно повторяет Россию. Во-вторых, потому, что более состоятельных прихожан чем в Днепропетровске, было не найти: в местной общине соседствовали, например, второй по размеру состояния украинский олигарх, глава группы «Приват» Игорь Коломойский и президент ГК «Интерпайп» Виктор Пинчук.

Виктор Пинчук располагает возможностями, которые не снились ни одному российскому олигарху. Во-первых, ему, как зятю экс-президента Кучмы, в ходе приватизации достались эксклюзивные мощности по производству труб большого диаметра, а сопоставимых производств в России, вопреки обещаниям, намерениям и программам, построить не удалось. Во-вторых, на ежегодных форумах Ялтинской европейской стратегии (YES), которые он финансирует, регулярно присутствуют Билл Клинтон и Шимон Перес. Престарелый президент Израиля, ветеран левой партии «Авода», также регулярно присутствует на «украинских завтраках» в рамках Давосского форума, также спонсируемых Пинчуком. Ни одному из олигархов экс-СССР, кроме Пинчука, не было пожаловано и членство в совете директоров Международной кризисной группы (ICG). Равно как и особо почетная роль спонсора мировой борьбы со СПИДом. На почве этого благородного дела у Пинчука возник дополнительный эшелон покровителей из того сообщества, к которому принадлежит, в частности, Элтон Джон. От авраамических религий это сообщество вроде бы далеко, но в лице Виктора Михайловича совмещаются самые разные идеалы и интересы, плавно переходящие друг в друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.